

К ПРОБЛЕМЕ ФИЛОСОФСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТРУДА

М. Ю. ВОЛОШИН¹
И. В. СЕМЧЕНКО²
В. В. ГАШКОВ

Белгородский
государственный
университет

¹e-mail: volochin@bsu.edu.ru

²e-mail: semchenko@bsu.edu.ru

В статье рассматривается проблема философского определения труда как концепта и перцепта в рамках теорий К. Маркса, М. Вебера и теории мотивации труда. Выявляются методологические возможности структурного психоанализа Ж. Лакана в осмыслении концепта труда.

Ключевые слова: труд, мотивация труда, субъект, К. Маркс, М. Вебер, Ж. Лакан.

Философские координаты проблемы труда довольно обширны, а сама тема имеет сложившуюся традицию рассмотрения. В связи с этим представляется актуальным обозначить новые направления в исследовании этой ставшей традиционной проблемы.

Не ставя себе целью дать исчерпывающий анализ философских трактовок труда, остановимся на основных концепциях, лежащих в основании современного его понимания. В качестве таких мы полагаем идеи К. Маркса и М. Вебера. Диалектико-материалистический анализ феномена труда позволил Марксу сделать вывод не только о исторической изменчивости форм труда, но также о его двойственной природе. Труд, в контексте теории марксизма, можно охарактеризовать как раздвоенный на позитивный, изначально связанный с собственно человеческим в человеке, и негативный, так называемый «отчужденный труд», противоположный первому.

В основании этого процесса лежит механизм объективации, когда труд превращается в свою противоположность или «опредмечивается», то же происходит и с человеком: «предмет, производимый трудом, его продукт, противостоит труду как некое *чуждое существо*, как *сила, не зависящая* от производителя. Продукт труда есть труд, закрепленный в некотором предмете, овеществленный в нем, это есть *опредмечивание труда*... осуществление труда, это его претворение в действительность выступает как *выключение рабочего из действительности*, опредмечивание выступает как *утрата* предмета и закабаление предметом, *освоение предмета – как отчуждение*»¹.

Несколько упрощая, можно сказать, что есть «первый» труд, естественный, создающий человека как «трудящееся животное» отличное от других животных, и есть «второй» труд, уже не слитный с человеком, не прилегающий к нему по его природе, а отстраненный от него и изымающий у него его сущность, отталкивающий его в мир объектов. И «первый», и «второй» составляют диалектическое единство, разрешающееся в «освобожденном» труде уже за пределами капитализма.

М. Вебер, предлагая альтернативный анализ в работе «Протестантская этика и дух капитализма», исходит из иных оснований, помещая труд в пространство таких понятий как дух, культура, религия. Свою задачу он определяет следующим образом: «...речь идет об обусловленности «хозяйственного мышления», «этоса» данной формы хозяйства определенной религиозной направленностью. Иллюстрацией этой обусловленности должна служить связь современного хозяйственного «этоса» с рациональной этикой аскетического протестантизма...»² Труд есть данность для человека, поскольку он обладает потребностями, но их удовлетворение может происходить в различных формах, детерминированных морально-религиозными императивами.

¹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, стр. 41-174.

² Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 1997. – С.46.

Несмотря на разность исходных оснований, общим является «горизонт» анализа труда, то есть необходимость его обоснования. Очевидно, что такая установка предопределена изначальной, до аналитической и по своей сути иудео-христианской мировоззренческой установкой, согласно которой труд является следствием искажения природы человека, последствием его грехопадения.

Своеобразная ревизия этого «бессознательного» философии труда, происходит вне рамок философского дискурса, в психологии, социологии и менеджменте. Наиболее очевидно это проявляется в различных теориях мотивации, от А. Маслоу, до Ф. Херцберга и Д. МакГрегора, выбирающих в качестве исходного потребности и купе с их биологической и социокультурной обусловленностью³. Рассмотрение в качестве оснований труда потребности носит сугубо инструментальный характер, поскольку позволяет избавиться от неverified метафизического основания и прийти к измеряемым, фиксируемым перцептам. Тем самым создается знание о труде, человеке и его мотивации, претендующее на статус научного знания.

Очевидно, что подобное «усечение» концепта труда до уровня перцепта (в терминологии Ж. Делеза) или иначе опора на измеряемое в человеке и его труде, не может удовлетворить философию⁴. Тем более, что антропологические метаморфозы постсовременности и изменения в самой структуре и форме труда в период позднего капитализма ставят под сомнение привычные формы фиксации труда, равно как и мотивации. Налицо необходимость подлинно философской рефлексии феномена труда именно с позиции концепта, с перспективой дальнейшей трансляции этого знания в другие сферы, то есть возможной адаптации со знанием перцептивным.

Руководствуясь этим критерием, следует обратить внимание на психоанализ как теорию, синтезирующую практическое и теоретическое, концептуально и перцептивное знание о человеке. Необходимость концептуального освоения феномена труда в поле психоанализа возможна посредством рассмотрения его как одной из потребностей и проявлений человека, что скрывает за собой возможность интерпретации его как формы, которую принимает желание.

Желание, определяемое как «первичный био-психологический импульс»⁵, задействует целый комплекс смыслов. Труд в данном контексте предстает не только «природной потребностью» человека в освоении окружающей его действительности и социальной деятельностью (Маркс), культурно и религиозно детерминированной (Вебер), но также потребностью сопряженной с процессами реализации бессознательного. Труд здесь, как и в теориях мотивации, рассматривается на уровне конкретного индивида в его процессуальности, становлении его субъектом. И в данном случае речь идет не о *homo naturalis*, а о человеке, который в процессе труда творчески и активно преобразует не только окружающий мир, но самого себя. Становится субъектом, вовлекается в процессы инкультурации и социализации преимущественно в форме трудовой деятельности.

Вместе с тем, проведение параллелей между процессом субъективации и трудом должно быть дополнено указанием на языковой аспект этой связи. Его суть, на наш взгляд, может быть раскрыта посредством обращения к концепции субъекта Ж. Лакана, рассматривавшего субъекта в пересечении желания и дискурса в сферах «Реального», «Воображаемого» и «Символического».

Лакан утверждает, что человек с момента своего рождения является существом незавершенным, несформированность нервной системы новорожденного проявляется в виде зависимости от матери, отсутствии самости, самосознания. Самоотождествление проявляются у ребенка в возрасте 6-18 месяцев и связана узнаванием себя в зеркале, что у Лакана называется «стадией зеркала»⁶. С этого момента ребенок компенсирует свою неполноту, утрату всегда недоступного Реального, целостностью зримого образа или Воображаемым: «природа Воображаемого – компенсация изначальной нехватки Реального, проявляющейся в отсутствии «естественных» автономии и адаптационных возможностей мла-

³ Мотивация персонала. Измерение и анализ. М., 2010. – С.19.

⁴ Делез, Ж. Что такое философия? СПб., 1998.

⁵ Постмодернизм С.265.

⁶ См. Lacan J. *Ecrits I*. Ed. Du Seuil. 1966. pp.89-97.

денца. Реальное в первом приближении может быть описано как регистр опыта, в котором отсутствует какое-либо различие или нехватка... Реальное есть абсолютно исходный и как таковой невозможный для субъекта опыт»⁷. Поскольку Реальное недоступно, само возникновение человека как целостной личности, субъекта связано с утратой Реального и появлением неполноты, недостатка, требующей восполнения визуально (на этом этапе).

По Лакану опыт субъектности исходно травматичен и требует восполнения «нехватки» желанием. Воображаемое компенсирует его посредством проекции полноты на образ, свое зеркальное отражение – «имаго». Имаго, образ, возникающий на «стадии зеркала», характеризуется идеальностью, иллюзорностью, формативностью и отчужденностью⁸.

Идеальность связана с преодолением «нехватки» в целостном и совершенном образе. Иллюзорность есть воображаемый характер образа. Формативность можно трактовать как влияние образа на человека. Отчужденность – суть образа, который является внешним по отношению к человеку.

Таким образом, имаго компенсирует «нехватку» и приводит к разделению человека на «Я», представляющего собой травматический, фрагментарный внутренний опыт, и «мое Я», идеальный зеркальный образ. Стремление человека устранить этот раскол приводит к принятию имаго, но поскольку он (имаго) отчужден, то в структуру личности вводится и это качество. В результате изменяется сама личность: «функцией «моего Я», функцией захвата «Я» со стороны имаго, задается особый статус объектов реальности и модус отношения к ним в порядке Воображаемого. Если в Реальном вообще не существует отдельных «объектов», а доминирующая модальность отношения к миру – биологическая потребность, то в Воображаемом господствует «запрос» на признание, направленное на других»⁹.

Человек ищет решение проблемы неполноты в Другом, признание целостности вне себя удостоверяет целостность для самого «Я». Самосознание и идентичность возможны при помощи Другого как зеркала и это есть «первичная идентификация» субъекта. Полнота же идентификации достигается с помощью языка в поле Символического. Механизм работы Символического таков: «вторичная идентификация есть сам процесс прикрепления к частным имаго и открепления от них, логика и порядок выбора воображаемых идентификаций, идентификационная динамика, определяемая совокупностью «всего сказанного» об индивиде в поле речевого отношения с другими. Символический субъект это не «монолитное» Эго-центричное ядро, но «луковица», состоящая из многих слоев прошлых воображаемых идентификаций с конститутивной пустотой между ними и в «центре»¹⁰. То есть субъект сводится к процессу непрерывного перебора воображаемых образов, запускаемых желанием с целью покрыть исходную Нехватку, восполнить Неполноту бытия в поле Символического. Дискурс, равно как и труд выступает в данном контексте как средство компенсации изначального травматичного опыта себя.

В контексте теории структурного психоанализа Ж. Лакана труд обусловлен не столько физическими или духовными потребностями человека, сколько более фундаментальной потребностью обретения целостности символическими средствами, восполнением «нехватки» в поле Воображаемого и Символического.

Список литературы

1. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 1997.
2. Делез, Ж. Что такое философия? СПб., 1998.
3. Lacan J. Ecrits I. Ed. Du Seuil. 1966.
4. Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч., т.42.
5. Мазин В. Стадия зеркала Жака Лакана. СПб., 2005.
6. Мотивация персонала. Измерение и анализ. М., 2010.
7. Постмодернизм. Энциклопедия. Мн., 2001.

⁷ Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн., 2001. – С. 405.

⁸ Мазин В. Стадия зеркала Жака Лакана. – СПб., 2005.

⁹ Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн., 2001. – С. 406.

¹⁰ Там же. – С.407.

TO THE PHILOSOPHICAL DEFINITION OF LABOUR

M. Y. VOLOSHIN¹⁾
I. V. SEMCHENKO²⁾
V. V. GASHKOV

Belgorod State University

¹⁾*e-mail: volochin@bsu.edu.ru*

²⁾*e-mail: semchenko@bsu.edu.ru*

The paper observes the problem of the philosophical definition of labour as a concept and percept in theories of K.Marx, M.Weber and in the theory of labour motivation. Some methodological resources of the structural psychoanalytical theory of J.Lacan are discussed in the context of conceptualization of the labour.

Key words: labour, labour motivation, agent, K. Marx, M. Weber, J. Lacan.